

УДК94 (47) 0.82 : 314.6

DOI

**МАЛАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (ПО ДАННЫМ
ЗЕМСКИХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПЕРЕПИСЕЙ 1880-х – 90-х гг.)****NUCLEAR PEASANT FAMILY OF THE SARATOV PROVINCE
(ACCORDING TO DATA OF THE ZEMSKY AGRICULTURAL CENSUS 1880 – 90s)****П.Ю. Мельников****P.Yu. Melnikov**Саратовская государственная юридическая академия,
Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya st, Saratov, 410056, Russia

E-mail: p_melnikov@list.ru

Аннотация

Устоявшаяся в науке точка зрения предполагает, что по мере становления индустриального общества сложная, многопоколенная семья уступает место семье малой, состоящей из супругов и детей. В статье рассматривается малая крестьянская семья Саратовской губернии в конце XIX в., ее количественные и структурные характеристики. Для анализа были использованы источники, ранее не применявшиеся в историко-демографических исследованиях – земские сельскохозяйственные переписи 1880-х – 90-х гг. По результатам исследования данный тип домохозяйства в типичном аграрном регионе был широко распространен (45 % всех домохозяйств), однако не доминировал по численности проживавших в нем людей (33 % населения).

Abstract

This article considers the simple family of the Saratov province of the Russian Empire at the end of the XIX century. The scientific point of view suggests that as an industrial society develops, a complex, multi-generational family gives way to a simple family consisting of spouses and children. This thesis can be checked on the example of a typical agricultural region. For analysis, we used materials from the Zemstvo agricultural censuses of the 1880s – 90s, stored in the state archive of the Saratov region. This source contains very interesting information of a historical and demographic nature, but it is poorly involved in the scientific literature. As a result of the analysis of the numerical and structural simple families, the author concludes that this type of household dominated the rural population of the Saratov province at the end of the 19th century, accounting for 45 % of all households. At the same time, simple families were numerically inferior to difficult ones, uniting 33 % of the population. In addition, one can note the small average size of a simple family (4.4 people) and a relatively small number of children (the most common option is 2 children per family).

Ключевые слова: семья, домохозяйство, крестьянство, земские переписи.**Keywords:** family, household, peasantry, rural census.

Среди большого числа вопросов, относящихся к историко-демографической тематике, важное место занимает проблема соотношения различных типов домохозяйств. Одной из ее составляющих является вопрос о роли и влиянии малой, супружеской семьи, как наиболее характерного семейного варианта XX в. Несмотря на накопленный за последние десятилетия материал, ответ на вопрос – какая семья была доминирующей на протяжении предшествующих нескольких столетий – остается открытым. Конкуренция различных типов семейных структур – простой супружеской семьи и многопоколенной составной се-

мы, их трансформация из одной в другую, наличие промежуточных вариантов, терминологические сложности в классификации семей создают обширное поле для научного поиска. При этом сам термин «семья», по установившейся в научной литературе практике, будет иметь синонимы. В первую очередь, члены семейного коллектива связаны браком и кровным родством. Кроме этого, в традиционном обществе для него характерны единство хозяйственной деятельности и единство проживания. Поэтому исследуемый объект может обозначаться и как «домохозяйство», и как «дом»; последний вариант, впрочем, употребляется редко, т. к. в основном ассоциируется с широко известной и влиятельной родственной группировкой (например, «дом Ротшильдов»).

Для исследований XX в. наиболее распространенной была привязка к традиционному аграрному обществу большой патриархальной семьи. Считалось, что по мере проникновения в общественную жизнь капиталистических отношений, с ростом индивидуализма, большая семья (многочисленная и многопоколенная) начала уступать место семье малой (супружеской, нуклеарной), состоявшей из супругов и детей. Данная закономерность была в значительной мере оспорена на рубеже 1960–70-х гг.; наиболее влиятельным среди такого рода работ стало масштабное исследование Кембриджской группы под руководством П. Ласлетта [Household and Family in Past Time, 1972]. Классификация домохозяйств, предложенная в его работе, в постсоветское время получила наиболее широкое распространение в историко-демографических работах и будет использоваться в рамках данной статьи; другие варианты зарубежных классификаций [Henry, 1967; Wheaton, 1975] не менее интересны, однако в силу ряда причин в российской научной литературе не используются.

В отечественной историографии картина выглядела более неоднозначно. Дореволюционные ученые исходили из тезиса о доминировании большой патриархальной семьи, работы советского периода в выводах расходились. Дело в том, что исследования историко-демографического типа в СССР в принципе не были многочисленными и, как правило, проводились в контексте социально-экономических и этнографических направлений, с использованием своей особой методики и классификации. В итоге их выводы существенно различались между собой и зачастую были просто несопоставимы [Мельников, 2017]. Тем не менее в них устойчиво поддерживался тезис о доминировании в нашей стране (как минимум в период с XVII по XIX вв.) семьи малой.

В постсоветский период данное утверждение подверглось сомнению. Разнородные методики подсчета были (насколько это возможно) стандартизированы Б.Н. Мироновым, использовавшим классификацию Ласлетта; вывод получился следующий: «... в губерниях, заселенных преимущественно русскими, в XVI – первой половине XIX в. преобладали составные семьи, в то же время значительная часть крестьян проживала в малых семьях, а в губерниях, заселенных украинцами, белорусами и прибалтийскими народами, наоборот, преобладали малые семьи, а значительная часть крестьян проживала в составных и расширенных семьях» [Миронов, 2007, с. 10].

Говоря о доминировании в какой-то исторический промежуток той или иной семейной структуры, необходимо скорректировать и сам вопрос. Домохозяйства постоянно эволюционировали, т. к. изменялись количественно и, следовательно, качественно. Супружеская пара, выделившаяся в самостоятельную хозяйственную единицу – тип 3а (забегая вперед, отметим, что для России XIX в. это был не самый характерный вариант развития событий), могла довольно быстро и существенно изменяться по самым различным направлениям под воздействием очень несхожих факторов. В ней рождались дети (трансформация в 3б), к ней мог присоединиться один из престарелых родителей или иной родственник (преобразование в расширенную семью – тип 4); повзрослевшие сыновья приводили в дом своих жен, и тогда семья из малой становилась сложной (тип 5), а затем, после выдела или раздела, вновь превращалась в малую. Естественно, изложенная здесь закономерность чисто гипотетическая, поскольку реальных вариантов развития событий насчитывалось гораздо больше. На конфигурацию семьи влияли факторы рождаемости, смерт-

ности, воинской повинности (в XIX в. отбываемой по-разному), пола детей (при численном преобладании дочерей трансформация в сложную семью происходила не столь очевидно), экономических условий (благоприятных или не способствующих разделу), административного фактора (давления общины, помещика, государства), наконец, личных качеств членов семьи (кто-то уживался в большом коллективе, кто-то нет). Таким образом, можно говорить не столько о доминировании определенных семейных структур, сколько о том, что «...они могут представлять различные фазы цикла развития одной и той же семейной структуры, которые поддаются выявлению только при распределении классификационных категорий по возрасту глав домохозяйства» [Вишневский, Кон, 1979, с. 10]. Иными словами, постоянно видоизменяясь, каждое домохозяйство последовательно проходило через разные стадии, оставаясь в каждой из них определенное время. С изменением факторов, влияющих на домохозяйство, продолжительность его существования в одной стадии увеличивается, в другой – уменьшается (что и фиксируется исследователями, замеряющими их количество на определенный момент времени).

По дореформенной Российской империи такого рода замеры проводились исходя из материалов ревизий, и большинство микроисследований вело подсчеты, опираясь на ревизские сказки [Деннисон, 2005; Авдеев и др., 2015]. В пореформенный период ревизии прекратились, однако аналогичных, более-менее периодических мероприятий с фиксацией численности населения организовано не было, что вынудило исследователей искать иные источники информации. В некоторых работах используются данные переписи 1897 г. [Борисенко, 2007; Зверев, 2009], однако это скорее исключение, поскольку первичные материалы по каждому домохозяйству (переписной лист Б) по инструкции должны были быть уничтожены. Другой, практически не реализованный на настоящий момент вариант, – данные земских сельскохозяйственных переписей. Такие переписи широко проводились в Российской империи силами земских статистических комитетов во второй половине XIX – начале XX вв. [Гозулов, 1957]. Материалы переписей довольно активно использовались историками, но в основном для изучения социально-экономических процессов. Это объясняется самой направленностью документов (переписи изначально были «заточены» именно на экономические параметры крестьянских домохозяйств); информация же историко-демографического характера при публикации давалась в обобщенном виде [Свавицкий, Свавицкая, 1926] и потому казалась исследователям недостаточной.

Первичные материалы переписей данную лакуну позволяют восстановить. В переписных листах, помимо многочисленных экономических характеристик домохозяйства (жилища, домашнего скота, земли, сельскохозяйственных орудий), содержалась информация о составе семьи – с указанием пола, возраста и положения относительно домохозяйина; пример такого бланка приведен в дореволюционном издании материалов переписей [Свод статистических сведений..., 1888, с. 25]. Однако данная часть документации была задействована в исследованиях всего единожды, в магистерской диссертации зарубежного ученого [Kolle, 1995].

В настоящей статье используются материалы сельскохозяйственной переписи 1880–1890-х гг., хранящиеся в Государственном архиве Саратовской области (фонд Статистического комитета). Из всей массы переписных листов по Саратовской губернии сохранился объем данных, немногим превышающий 5 000 домохозяйств из 32 деревень, разбросанных по 4 уездам (Кузнецкому, Хвалынскому, Петровскому и Камышинскому)⁵⁶. Такое распределение можно считать удачным, поскольку оно представляет разные климатические зоны Саратовской губернии (северную, с подзолистыми почвами, и южную, с черноземными).

Распределение домохозяйств по типам выглядят следующим образом (табл. 1):

⁵⁶ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 421. Оп. 1. Д. 439, 440, 441, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 7295, 7296, 7297, 7298, 7299, 7300, 7301, 7302, 7303, 7304, 7342, 7343, 7344, 7345, 7346, 7347, 7348, 7349, 7350, 7351, 7352, 7353, 7354, 7355, 7356.

Таблица 1

Table 1

Распределение домохозяйств по типам
Distribution of households by type

Тип домохозяйства	Количество	В процентах	В них проживало	В процентах
Одинокие	141	2,8 %	141	0,5 %
Без семьи	18	0,4 %	45	0,2 %
Малое	2286	45,4 %	10021	33,8 %
Расширенное	854	17,0 %	4846	16,3 %
Сложное	1735	34,5 %	14632	49,3 %
Неопределенное	0	0 %	0	0 %
Итого	5036	100 %	29685	100 %

На долю малой семьи, как видно из таблицы, приходится 2 286 домохозяйств (45,4 % всех домохозяйств) и 10 020 человек населения (33,8 % от общей численности). Выводы из приведенной таблицы можно сделать прямо противоположные. Если в качестве главного критерия брать простое количество домохозяйств, то преобладающей в Саратовской губернии в конце XIX в. будет малая семья. Если же в качестве определяющего фактора использовать населенность домохозяйств (т. е. отталкиваться от того, какое количество людей в некоторый момент проживало в семьях определенного типа), то доминирующим окажется уже семья сложная.

Общие статистические характеристики малой семьи выглядят следующим образом. Средняя численность – 4,4 человека при стандартном отклонении 1,8. Наиболее часто встречающийся вариант (мода) – 4 человека (481 случай, 21 %, т. е. примерно каждая пятая семья). Численность семьи такого типа колеблется от 2 до 13 человек, при этом квартильный размах равен 3, нижняя квартиль 3, а верхняя – 6, иными словами, половина всех малых семей насчитывали от 3 до 6 человек. Вообще следует отметить, что превышение малой семьей численности в 9 человек происходило крайне редко; глав таких семей можно перечислить поименно, а их количество находится на уровне статистической погрешности. Большинство малых семей вмещается в интервал от 2 до 7 человек (таблица 2).

Таблица 2

Table 2

Распределение домохозяйств по численности
Household Distribution by Number

Размер домохозяйства	Количество	В %	Кум. %
2	370	16,2	16,2
3	432	18,9	35,1
4	481	21,0	56,1
5	415	18,2	74,3
6	295	12,9	87,2
7	181	7,9	95,1
8	74	3,2	98,3
9	29	1,3	99,6
10	6	0,3	99,87
11	1	0,04	99,91
12	1	0,04	99,96
13	1	0,04	100
Итого	2286	100	100

Согласно классификации Ласлетта, каждый вариант домохозяйств имел свои внутренние подтипы. В малой семье их насчитывалось четыре: подтип 3а – супружеская пара без де-

тей, подтип 3б – супружеская пара с детьми (в обиходе именно такой вариант и понимается под малой семьей), подтип 3в – вдовец с детьми и подтип 3г – вдова с детьми. В рассматриваемом материале они распределяются следующим образом: 3а – 288 домохозяйств, 3б – 1 754, 3в и 3г – 53 и 191 домохозяйство соответственно. Как можно заметить, подтип 3б составляет более 3/4 всех наблюдений, на втором месте – 3а (семья без детей), 3в и 3г в совокупности составляют немногим более 10 %. При этом категория 3в (вдовец с детьми) существенно меньше аналогичной ей подгруппы 3г (это, вероятно, можно объяснить более высокой мужской смертностью: ожидаемая средняя продолжительность жизни женщины в конце XIX в. составляла 33 года, а мужчины – 31 год [Демографическая модернизация России, 2006, с. 10]. Повторные браки крестьянская среда допускала, но относилась к ним с суеверным опасением («первая жена – от Бога, вторая – от человека, третья – от черта»), поэтому овдовевшие, как правило, заключали браки друг с другом [Миронов, 2003, с. 165].

Данные четыре подтипа, естественно, существенно расходились по своему размеру и иным статистическим показателям. В первую очередь интересен подтип 3б (супружеская пара и дети) – самая многочисленная категория; условно назовем ее «классической» малой семьей. Выглядит она следующим образом. Среди общей группы малых домохозяйств подгруппа 3б составляет 1 754 единицы (76,7 %); в ней проживало 8 639 человек. Средняя численность такой семьи – 4,9 человека при стандартном отклонении 1,6; медиана ряда равна 5, а мода – 4 (427 наблюдений или 24,3 %, т. е. практически каждое четвертое домохозяйство). Нижняя квартиль равна 4, верхняя 6, т. е. половина всех «классических» малых семей по численности расположены в довольно узком интервале.

Менее распространенные варианты малой семьи – структуры 3в (вдовец с детьми) и 3г (вдова с детьми). Их насчитывается 53 и 191 домохозяйство, в которых проживало 172 и 634 человека соответственно. Хотя их количество в общей массе домохозяйств существенно отличалось друг от друга, они очень близки между собой по многим параметрам. Их средняя численность почти равна (3,2 человека (3в) и 3,3 человека (3г), совпадают медиана (3), мода (2) (39 % наблюдений для 3в и 32 % наблюдений для 3г), квартильный размах (2), нижний и верхний квартили (2 и 4 соответственно).

Численность малой семьи существенно варьируется в зависимости от подтипа (рис. 1).

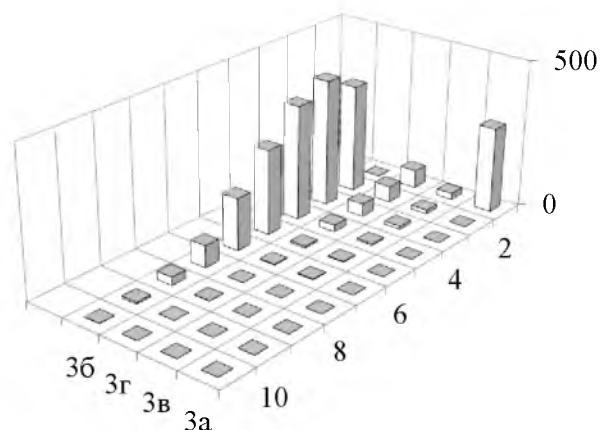

Рис. 1. Распределение подтипов малых домохозяйств по численности
Fig. 1. Distribution of subtypes of simple households by number

Вариант 3а стабилен в силу своей сущности (2 человека), а остальные демонстрируют разные закономерности. «Классический» вариант внешне схож с распределением малого домохозяйства в целом – гистограмма унимодальна и ассиметрична при сдвиге данных влево от медианы; варианты 3в и 3г, напротив, демонстрируют убывающую тенденцию.

Поскольку семейная структура всех подтипов известна, численность также, то определение количества детей в них становится легкой задачей. Для домохозяйства 3б это вычисляется по формуле $n - 2$ (где n – количество членов семьи), для вариантов 3в и 3г –

n – 1. Из графика (рис. 2) хорошо видно, что для «классического» варианта наиболее частым было наличие 2 детей; затем, по убывающей – 3, 1, 4, 5, 6; более многочисленные случаи в совокупности составляли менее 2 % всех семей.

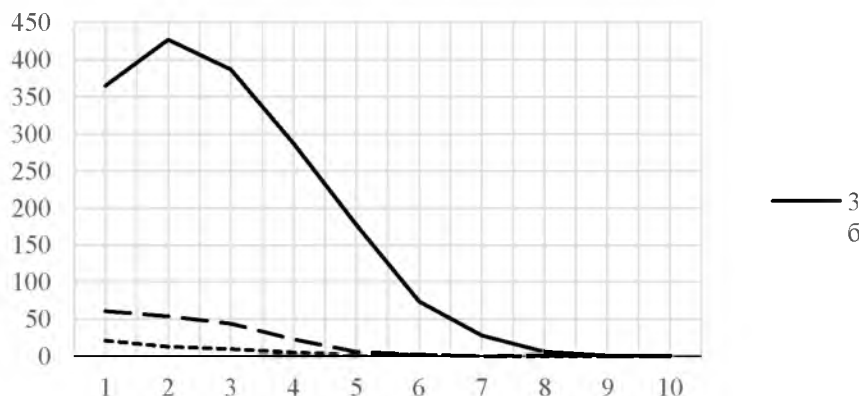

Рис. 2. Количество детей в малых семьях
Fig. 2. Number of children in simple families

Для подтипов 3в и 3г очевиден другой тренд – на понижение: от одного ребенка в семье (39 и 31 %) до четырех (9 и 12 % соответственно); превышение этого количества также, как и в случае 3б, незначительно. В среднем на каждую малую семью приходится 2,4 ребенка; при этом наиболее многодетным подтипом является 3б (2,9 ребенка на семью), затем следует 3в (2,3 ребенка) и 3г (1,5 ребенка).

Переходя к возрастному анализу, следует учитывать ряд специфических деталей. В сельскохозяйственных переписях информация о возрасте бралась не из документов, а со слов самих переписываемых. Естественно, специфика российского крестьянского общества создавала в этом случае ряд искажений. Первое – умышленное занижение возраста: «К показаниям женщин средних лет и даже пожилых об их собственных годах нужно относиться с крайней осторожностью: желание молодиться заставляет уменьшать их свои года до абсурда» [Свод статистических сведений..., 1888, с. 28]. Исправление данной погрешности силами исследователя невозможно, остается только положиться на профессионализм переписчиков; по мнению организатора переписи С.А. Харизоменова, именно этот фактор и должен был устранять проблемы сознательного искажения информации сразу на этапе ее сбора (причем это касалось не только возраста, но и хозяйственной деятельности, размера доходов и многих других аспектов).

Вторая проблема первичных данных о возрастном составе – эффект «возрастной аккумуляции», или округления возраста до чисел, оканчивающихся на «0» или, в меньшей степени, на «5»; он в принципе характерен для населения с низким уровнем грамотности. Сила возрастной аккумуляции измеряется разными коэффициентами, один из которых – индекс Уипла. Для родителей в малых семьях он равен 293 (превышение данным показателем отметки 100 свидетельствует, что возрастная аккумуляция существенна). Устранение возрастной аккумуляции производится при помощи приемов сглаживания; в данном случае использовался метод скользящей средней по десятилетним возрастам [Семенова, 1972].

По данным переписей, средний возраст домохозяина – главы малой семьи – составляет 41,9 года, его жены – 39,1 лет. Если же дифференцировать возраст домохозяев применительно к подтипам домохозяйств, то результаты показывают существенное различие. Наиболее понятным выглядит вариант 3б: средний возраст – 41,5 лет, близкое к нормальному распределению, практически все домохозяева мужчины (исключение – 7 случаев) (рис. 3).

Подтип 3а обозначает средний возраст домохозяина в 45,2 года. Все без исключения домохозяева – мужчины, причем они более-менее равномерно распределены по возрастным 5-летним группам (от 25 до 65 лет) и варьируются по численности от 7 до 12 % (см. рис. 3). Любопытно, что малая семья, состоящая только из мужа и жены, в исследова-

ниях обычно фигурирует как начальная стадия в цикле семейной эволюции; моделируя развитие семьи, ученые начинают с выделившейся супружеской пары, постепенно добавляя к ней детей [Чаянов, 1989, с. 218]. Однако такие варианты самостоятельных молодоженов в рассмотренном материале немногочисленны, а семейная пара без детей – некая относительно постоянная величина во всех возрастных группах.

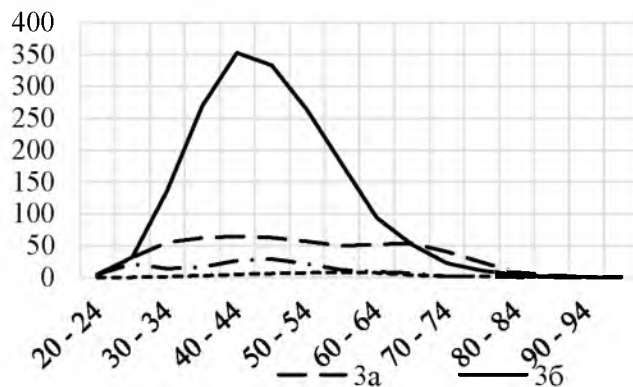

Рис. 3. Возрастной состав глав малых домохозяйств (по подтипам)
Fig. 3. Age composition of heads of simple households (by subtype)

Подтипы 3в и 3г дают очень сильные отклонения от среднего результата в разные стороны: 50,6 и 36,5 лет соответственно (см. рис. 3), что требует отдельных комментариев. Первый, сильно завышенный от среднего показатель, вероятно связан с невозможностью заключить брак в преклонном возрасте. Выше упоминалось, что овдовевшие чаще заключали брак друг с другом – из-за суеверных опасений; в пожилом возрасте для мужчины это было, видимо, проблематично. Причина отклонения возраста в подтипе 3г иная. По классификации Ласлетта, данный вариант – вдова с детьми. Однако здесь вступает в действие фактор юридический, а именно – кого в переписи обозначили домохозяином. Примерно в 2/3 случаев (122 из 192) главой писалась мать при малолетних детях; остальные случаи – домохозяином числится уже повзрослевший сын в возрасте от 13 лет (хотя по формальным критериям это все тот же подтип). Средний возраст матери домохозяйки в этом случае – 43 года, а сына-домохозяина – 22, что и дает такое существенное снижение среднего показателя.

Подводя итог, можно отметить следующее. Саратовская губерния конца XIX в., как собственно и все Нижнее Поволжье, в экономическом отношении представляла «...ярко выраженный аграрный регион с низким уровнем развития промышленности» [Чолахян, 2008, с. 38]. Малая семья данного региона для абсолютного большинства населения – крестьянства (87,2 % – сельские жители по данным переписи 1897 г. [Первая всеобщая перепись..., 1897 г., с. 3]) – выглядела следующим образом. Во-первых, сравнительно с другими семейными группами, она была многочисленной (45 % всех домохозяйств, т. е. большинство) и включала 33,8 % населения (уступая по этому показателю семье сложной). Во-вторых, количественно малая семья скорее была небольшой; стереотип многодетности, на который в свое время указывал А.Г. Вишневецкий [1989], в данном случае не подтверждается. 3/4 малых домохозяйств находились в пределах 5 человек, т. е. состояли из супружеской пары и одного – трех детей; сюда же включались семейные пары без детей и сравнительно немногочисленные варианты вдов и вдовцов с детьми. Половина малых семей вообще состояла из 4 и менее человек – т. е. не была многодетной даже по современным параметрам; домохозяйства без детей (3а) стабильно составляли от 7 до 12 % от общего количества, причем почти во всех возрастных группах. Наконец, в-третьих, возрастной состав глав таких семей сильно варьируется. К среднему результату (41 год) наиболее приближен возраст домохозяина в «классической» малой семье, варианты же 3в и 3г показали существенное отклонение либо в большую (50,6 лет), либо в меньшую (36,5 лет) стороны соответственно. В большинстве случаев (75 %) глава ма-

лой семьи находился в возрасте от 30 до 50 лет, что хорошо иллюстрирует интенсивный процесс разделов крестьянских домохозяйств в конце XIX в.

Список литературы

1. Авдеев А.А., Троицкая И.А., Ульянова Г.Н. 2015. Сословные различия в структурах домохозяйств в XIX в.: Москва и ее окрестности. Демографическое обозрение. 2(2): 74–91.
2. Борисенко М.В. 2007. Локальные параметры семейно-дворового строя крестьян Западной Сибири конца XVI – начала XX вв. (по материалам Тобольского и Тарского уездов). Дисс. ... докт. ист. наук. СПб.: 471.
3. Вишневский А.Г., Кон И.С. 1979. Предисловие. В кн.: Брачность, рождаемость, семья за три века. Под ред. А.Г. Вишневского и И.С. Кона. М., «Статистика»: 3–13.
4. Вишневский А.Г. 1989. Образ прошлого в демографической литературе. В кн. Историческая демография: проблемы, суждения, задачи. Под ред. Ю.А. Полякова. М., «Наука»: 29–43.
5. Гозулов А.И. 1957. История отечественной статистики. М., Госстатиздат, 178.
6. Деннисон Т. 2005. Крестьянские дворохозяйства в имении Вошажниково в 1836–1858 гг. Вестник С.-Петербургского университета. Сер. 2. История. 1: 147–154.
7. Демографическая модернизация России. 2006. 1900–2000. М., Новое издательство: 608.
8. Зверев В.А. 2009. Семейно-брачный строй в деревнях Западной Сибири (по материалам Всероссийской переписи населения 1897 г.) Вестник Томского университета. Серия: История. 4(8): 63–70.
9. Мельников П.Ю. 2017. О структуре крестьянской семьи в России XVII–XIX веков: проблема классификации и терминологии в исследованиях советского периода. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 17(2): 163–166.
10. Миронов Б.Н. 2003. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. СПб., «Дмитрий Буланин». Т. 1.: 583.
11. Миронов Б.Н. 2007. Новая историческая демография имперской России: аналитический обзор современной литературы. Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 52(3): 3–27.
12. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XXXVIII. Саратовская губерния. СПб., Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. 1904: 249.
13. Свамицкий Н.А., Свамицкая З.М. 1926. Земские подворные переписи – 1880–1913 гг. Поурезные итоги. М., ЦСУ СССР: 328.
14. Свод статистических сведений по Саратовской губернии. Ч. 1. Саратов, Издание Саратовского губернского земства. 1888: 850.
15. Семенова А.С. 1972. Сборник задач по курсу демографии. М., «Статистика»: 142.
16. Чайнов А.В. 1989. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., «Экономика»: 492.
17. Чолахян В.А. 2008. Индустриальное развитие Нижнего Поволжья (конец XIX – июнь 1941 г.): исторический опыт и уроки. Саратов, «Научная книга»: 320.
18. Henry L. 1967. Manuel de demographie historique. Paris, Librairie Droz, Geneve Paris: 146.
19. Household and Family in Past Time: Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan and Colonial North America. 1972. Cambridge, Cambridge Univ. Press: 623.
20. Kolle H. 1995. The Russian Post-Emancipation Household. Two Villages in the Moscow Area. Master thesis in history, University of Bergen. Bergen: 97.
21. Wheaton R. 1975. Family and Kinship in Western Europe: The Problem of the Joint Family Household. Journal of Interdisciplinary History. 5: 601–628.

References

1. Avdeyev A.A., Troitskaya I.A., Ul'yanova G.N. 2015. Soslovnyye razlichiya v strukturakh domokhozyaystv v XIX v.: Moskva i yeye okrestnosti. [Estates in household structures in the 19th century: Moscow and its environs]. Demograficheskoye obozreniye – Demographic Review, 2(2): 74–91.
2. Borisenko M.V. 2007. Lokal'nyye parametry semeyno-dvorovogo stroya krest'yan Zapadnoy Sibiri kontsa XVI – nachala XX vv. (po materialam Tobol'skogo i Tarskogo uyezdov). [Local parameters of the family-yard system of peasants of Western Siberia at the end of the 16th – beginning of the 20th centuries (based on materials from Tobolsk and Tarsk counties)]. Diss. ... dokt. hist. sciences. St. Petersburg: 471.

3. Vishnevskiy A.G., Kon I.S. 1979. Predisloviye [Foreword]. Pod red. A.G. Vishnevskogo i I.S. Kona. V kn.: Brachnost', rozhdanost', sem'yaza tri veka. Moscow, Publ. «Statistika»: 3–13.
4. Vishnevskiy A.G. 1989. Obraz proshlogo v demograficheskoy literature. V kn.: Istoricheskaya demografiya: problemy, suzhdeniya, zadachi [The image of the past in demographic literature. V kn.: Historical demography: problems, judgments, tasks]. Pod red. Ju.A. Poljakova. Moscow, Publ. «Nauka»: 29–43.
5. Gozulov A.I. 1957. Istoriya otechestvennoy statistiki [History of domestic statistics]. Moscow, Publ. Gosstatizdat: 178.
6. Dennison T. 2005. Krest'yanskiye dvorokhozyaystva v imenii Voshchazhnikovo v 1836–1858 gg. [Peasant households on the estate Voshchazhnikovo in 1836–1858 y.] Vestnik S.-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. Istoriya. 1: 147–154.
7. Demograficheskaya modernizatsiya Rossii. 2006. 1900–2000. [Demographic modernization of Russia. 1900–2000]. Moscow, Publ. Novoye izdatel'stvo: 608.
8. Zverev V.A. 2009. Semeyno-brachnyy stroy v derevnyakh Zapadnoy Sibiri (po materialam Vserossiyskoy perepisi naseleniya 1897 g.) [Family-marriage system in the villages of Western Siberia (based on the materials of the All-Russian Census of 1897)]. Vestnik Tomskogo universiteta. Seriya: Istoriya. 4(8): 63–70.
9. Mel'nikov P.Yu. 2017. O structure krest'yanskoy sem'i v Rossii XVII–XIX vekov: problema klassifikatsii i terminologii v issledovaniyakh sovetskogo perioda. Izvestiya Saratovskogo universiteta [On the structure of the peasant family in Russia of the 17th–19th centuries: the problem of classification and terminology in studies of the Soviet period]. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya. 17(2): 163–166.
10. Mironov B.N. 2003. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) Genesis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva [The social history of Russia during the empire (XVIII – early XX centuries.) The genesis of the individual, a democratic family, civil society and the rule of law]. V 2 t. St. Petersburg., Publ. Dmitriy Bulanin. T. 1.: 583.
11. Mironov B.N. 2007. Novaya istoricheskaya demografiya imperskoy Rossii: analiticheskiy obzor sovremennoy literatury [The new historical demography of imperial Russia: an analytical review of modern literature]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya. 52 (3): 3–27.
12. The first general census of the population of the Russian Empire, 1897. T. XXXVIII. Saratov province. St. Petersburg, Izdaniye Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del. 1904: 249.
13. Svavitskiy N.A., Svavitskaya Z.M. 1926. Zemskiye podvornyie perepisi – 1880–1913 gg. Pouyezdnyye itogi [Zemsky courtyard censuses – 1880–1913 Train results]. Moscow, Publ. TSSU SSSR: 328 p.
14. Code of statistics for the Saratov province. Part 1. Saratov, Publ. Izdaniye Saratovskogo gubernskogo zemstva. 1888: 850 p. (in Russian).
15. Semenova A.S. 1972. Sbornik zadach po kursu demografii [Collection of tasks on the course of demography]. Moscow, Publ. «Statistika»: 142 p.
16. Chayanov A.V. 1989. Krest'yanskoye khozyaystvo. Izbrannyye trudy [Peasant farming. Selected Works.] Moscow, Publ. «Ekonomika»: 492 p.
17. Cholakhyan V.A. 2008. Industrial'noye razvitiye Nizhnego Povolzh'ya (konets XIX – iyun' 1941 g.): istoricheskiy opyt i uroki [Industrial Development of the Lower Volga Region (end of XIX – June 1941): historical experience and lessons]. Saratov, Publ. «Nauchnaya kniga»: 320 p.
18. Henry L. 1967. Manuel de demographie historique. Paris, Librairie Droz, Geneve Paris: 146.
19. Household and Family in Past Time: Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan and Colonial North America. 1972. Cambridge, Cambridge Univ. Press: 623.
20. Kolle H. 1995. The Russian Post-Emancipation Household. Two Villages in the Moscow Area. Master thesis in history, University of Bergen. Bergen: 97.
21. Wheaton R. 1975. Family and Kinship in Western Europe: The Problem of the Joint Family Household. Journal of Interdisciplinary History. 5: 601–628.

Ссылка для цитирования статьи

Link for article citation

Мельников П.Ю. 2020. Малая крестьянская семья Саратовской губернии (по данным земских сельскохозяйственных переписей 1880-х – 90-х гг.). *Via in tempore. История. Политология*, 47(1): 130–138. DOI

Melnikov P.Yu. 2020. Nuclear peasant family of the Saratov province (according to data of the Zemsky agricultural census 1880 – 90s). *Via in tempore. History and political science*, 47(1): 130–138 (in Russian). DOI